

Рукава, который согласился лишь на автографы, но наотрез отказался фотографироваться, подписывал бумаги, не поднимая головы, однако боковым зрением внимательно следил за всем, что происходило вокруг Сакураги.

Он был уверен, что, учитывая нынешнюю неприязнь Сакураги к нему, тот, как только закончится эфир, бросит его и сразу уйдет.

К его удивлению, выйдя из студии, Сакураги задержался у дверей.

Рукава почувствовал прилив радости. Он отложил ручку и вежливо, но сдержанно обратился к толпе, окружившей его:

— На сегодня всё. Спасибо всем за поддержку.

Закончив, он встал и направился к Сакураги. Люди в толпе безмолвно расступились, пропуская его.

Сакураги в это время продолжал о чем-то спорить с Джеймсом, но вдруг почувствовал, что атмосфера вокруг изменилась. Он обернулся и увидел идущего к нему Рукаву.

Сакураги смерил его тяжелым, пронзительным взглядом, думая про себя: Ну что ж, посмотрим, что ты там еще задумал.

К его удивлению, Рукава лишь буднично бросил:

— Закончили? Тогда пойдем.

Не дожидаясь ответа, он зашагал прочь.

Сакураги вовсе не хотел идти следом, но окружающие смотрели на них с таким выражением, будто говорили: Ого, вы так близки? Ну, тогда не отставай! Ему не оставалось ничего, кроме как стиснуть зубы и последовать за ним.

В лифте Сакураги недовольно проворчал:

— Иди своей дорогой, не притворяйся, будто мы с тобой в таких уж хороших отношениях.

— А как ты собираешься добираться? На такси? Ты же знаешь, что тебе нельзя пользоваться такси, — Рукава не обратил внимания на его тон.

— А я вызову машину, и что с того? — упрямылся Сакураги.

Рукава спокойно посмотрел на него:

— Ну и где она? Ты уже вызвал?

— Я... — Сакураги осекся. Да как он мог вызвать?

Едва он прибыл на место, его тут же потащили на прическу, грим и переодевание, а сразу после интервью этот тип вытянул его из студии. Когда ему было вызывать машину!

— Рукава Каэдэ, есть у меня машина или нет, где я ее заказываю и попаду ли в тренды — какое тебе до этого дело? — холодно бросил Сакураги.

Рукава не ждал от него теплого приема, поэтому не придавал значения его словам:

— В конце концов, это я врезался в твою машину.

— Не нужно из-за этого так стараться. На дорогах каждый день случаются аварии, и что теперь, каждый, кто въедет кому-то в зад, должен становиться личным водителем?

— Идиот. Ты — не каждый, — твердо ответил Рукава.

Сакураги внезапно разозлился, схватил Рукаву за воротник и прорычал:

— Рукава Каэдэ, ты столько лет называешь меня идиотом, ты что, правда считаешь меня дураком? Проваливай! Чтобы я тебя больше не видел!

Сакураги буквально отшвырнул его к стенке лифта.

В этот момент лифт достиг минус первого этажа. Сакураги шагнул наружу, но тут же понял, что, войдя, даже не нажал кнопку этажа, и попятился обратно. Ему нужно было вернуться на первый этаж и самому искать транспорт.

Черт возьми!

Он не хотел оставаться с Рукавой, но тот стоял с таким видом, будто собирался следовать за ним до конца.

Сакураги пришлось схватить Рукаву за руку и вытащить из лифта, а затем развернуться, намереваясь уйти.

Его запястье перехватили.

Сакураги отдернул руку, словно обжегся, и посмотрел на него так, будто готов был съесть:

— Не трогай меня!

Рукава вздохнул, но не отступил:

— Я не буду тебя трогать. Но метеорологи только что предупредили, что в ближайший час начнется сильный шторм. В этом месте поймать машину будет непросто. Сакураги, позволь мне тебя подвезти.

Как бы Сакураги ни злился, он был вынужден мыслить здраво: если он промокнет до нитки, заголовки в прессе ему обеспечены, а мисс Фудзи будет в ярости.

Сев на заднее сиденье машины Рукавы, Сакураги подумал: Это я делаю только ради волос мисс Фудзи. Каждый раз, когда со мной что-то случается, она так нервничает, что начинает лысеть.

Рукава, словно образцовый таксист, не сводил глаз с дороги, полностью сосредоточившись на вождении и следуя навигатору по адресу, который дал Сакураги.

И правда, через пятнадцать минут начался ливень. Дождь лил как из ведра, и вскоре даже дворники, работавшие на пределе, не справлялись.

Сакураги нервничал, но боялся подать голос, чтобы не отвлекать водителя.

— У вас всегда такая непредсказуемая погода? — вдруг нарушил тишину Рукава.

Сакураги напрягся до предела:

— Заткнись и следи за дорогой!

— Не волнуйся, я неплохо вожу, — невозмутимо ответил Рукава.

— Ты, ты... Дороги вообще не видно! Мне плевать, как ты водишь, если ты во что-нибудь врежешься, я тебя убью! — Сакураги на всякий случай проверил, пристегнут ли ремень.

— Там, где я живу, дороги становятся опасными только во время сильных снегопадов, а такой ливень — большая редкость, — продолжал болтать Рукава.

— Раз редкость, так смотри в оба! Чего ты со мной разговариваешь?! — Сакураги был на грани того, чтобы подпрыгнуть на сиденье.

— Мне показалось, ты нервничаешь, решил разрядить обстановку.

— Разрядить обстановку, как же! Это ты нервничаешь, а я пассажир, с чего бы мне переживать! — на самом деле Сакураги был готов выхватить руль и вести машину сам.

— Ну и хорошо.

Когда они добрались до места, дождь лил стеной, начали сверкать молнии.

Рукава притормозил, огляделся, пытаясь разглядеть в ограниченной дождем видимости хоть какие-то строения, и неуверенно спросил:

— Ты... здесь живешь?

Что ж, было ясно как день, что Сакураги назвал адрес наобум — это оказалась станция переработки мусора.

В машине воцарилась тишина. Сакураги молчал, Рукава ждал.

Сакураги сел в машину только от безысходности и не хотел раскрывать свой настоящий адрес, поэтому назвал случайный номер дома в районе, где жил сам. Он думал, что до дома будет недалеко, и если что — добежит пешком, заодно разомнется.

Но кто же знал, что это место — свалка? Сразу видно, что он пытался схитрить.

Впрочем, Сакураги было плевать, что Рукава обо всем догадался. Он и так ясно дал понять, что не рад его видеть.

Но что делать теперь? Гроза, ливень. Если он сейчас выйдет, то, судя по тому немногому, что он знал о Рукаве, тот, скорее всего, заблокирует двери и не выпустит его, потому что в такую погоду действительно можно попасть под удар молнии.

Смирившись, Сакураги назвал настоящий адрес. Рукава послушно вбил его в навигатор и тронулся с места.

Вскоре они были на месте.

Это был хороший район, но из-за ливня можно было разобрать лишь смутные очертания домов.

Сакураги коснулся замка двери, взглянул на черные волосы Рукавы и, хоть и нехотя, но взрослому произнес:

— Спасибо, что подвез. Дождь сильный, будь осторожен на дороге.

Не дожидаясь ответа, он распахнул дверь и бросился сквозь дождь под навес своего дома.

Он обернулся, чтобы посмотреть на машину Рукавы. Он был уверен, что Рукава смотрит на него.

Но сквозь пелену дождя и стекло они не видели друг друга.

— Рукава, прощай. Хотя лучше бы нам больше не встречаться, — тихо прошептал Сакураги, приложил палец к сканеру и вошел в дом.

День был похож на американские горки, настроение скакало, и Сакураги чувствовал себя совершенно разбитым.

Вернувшись домой, он сразу разделся и залез в душ, включив горячую воду, пока кожа не покраснела. Пар помог ему немного успокоиться.

Завернувшись в халат, он пил содовую и слушал новости по телевизору.

Такого сильного и затяжного ливня не было давно, новости только об этом и говорили.

Сакураги стоял перед экраном, глядя на репортажи о затопленных улицах, пробках и машинах, ушедших под воду.

Он присмотрелся и понял, что один из затопленных районов совсем рядом с его домом.

Сердце Сакураги екнуло: Эта лиса, наверное, уже уехал?

Он тут же покачал головой: Какое мне дело? Он взрослый человек, сам разберется со своими проблемами.

Сакураги ходил по комнате из угла в угол, затем, словно в забыты, подошел к окну и отодвинул штору. Увидев то, что было снаружи, он поперхнулся и долго кашлял.

Почему машина Рукавы до сих пор стоит на месте?

Сколько времени уже прошло?

Сакураги взглянул на часы: больше получаса.

Что этот парень задумал?

Дождь не утихал. Хорошо еще, что район был престижным и дренажная система справлялась, в другом месте его бы уже давно затопило.

Увидев, что машина Рукавы по-прежнему на месте, Сакураги отпустил штору и отправился на кухню готовить себе ужин.

В межсезонье, когда он был дома, он привык готовить сам, не нанимая помощников.

Сегодняшний ужин не принес ему никакого удовольствия, но он все же заставил себя поесть, а потом даже вымыл посуду и прибрался.

Взглянул на часы — прошел еще час.

Снова подойдя к окну, Сакураги долго колебался, прежде чем отодвинуть штору.

Черт возьми! Кто-нибудь, объясните мне, почему Рукава все еще здесь? Его машина сломалась?

Сакураги в ярости ударил кулаком по стене.

Рукава, услышав стук в окно, удивился. Из-за ливня он не видел, кто снаружи, и опустил стекло. Дождь тут же хлынул в салон, и его брюки мгновенно промокли до нитки.

Сакураги стоял под огромным зонтом с мрачным лицом, капли дождя барабанили по ткани.

— Рукава Каэдэ, ты что здесь делаешь?

Рукава пришел в себя и спокойно ответил:

— Собирался уехать, но дороги затопило, проехать никуда нельзя.

Чтобы доказать, что он не лжет, Рукава открыл навигатор в телефоне, показывая, что ни один путь к отелю, где он остановился, не был свободен.

Сакураги, подавляя гнев, проскрежетал сквозь зубы:

— Выходи!

— Куда?

— А куда еще? Хочешь сидеть в машине до рассвета?

Рукава не ожидал, что Сакураги пригласит его в дом.

И хотя зонт у Сакураги был огромным, тот изо всех сил старался держаться от него подальше, поэтому, когда они вошли в дом, половина одежды Рукавы была насквозь мокрой.

Сакураги с грохотом выудил из обувного шкафа тапочки и бросил их к ногам Рукавы:

— Я пускаю тебя переночевать только из гуманитарных соображений! Как только рассветет — проваливай!

Рукава переобулся и, как подобает гостю, вежливо произнес:

— Беспокою вас.

<http://bllate.org/book/21490/2200156>